

Иван Бурмистров

Raja Adal. Beauty in the Age of Empire: Japan, Egypt, and the Global History of Aesthetic Education. New York: Columbia University Press, 2019. 296 pp. ISBN 978-0-231-19116-6.

Иван Бурмистров, департамент истории, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, 198099, Россия. idburmistrov_1@edu.hse.ru.

Книга Раджи Адала, доцента факультета истории Питтсбургского университета, посвящена начальному эстетическому образованию как одному из важных факторов развития современного государства и общества конца XIX – первой половины XX веков. Написанная в жанре глобальной и сравнительной истории, эта работа рассказывает о том, как со второй половины XIX века два отдаленных друг от друга, разных, но одновременно очень похожих в своих отношениях с Европой, государства – Япония и Египет – реагировали на распространение по миру европейских ценностей и колониализма в целом. В отличие от его коллег, интересовавшихся влиянием колониализма на национальные процессы в области политики, экономики и культуры, Адал предлагает исследовать тот же процесс, но в новом ракурсе – с точки зрения распространения западного эстетического образования (Jansen 2000).

Книга рассказывает о том, как неевропейские государства пытались стать полноценными участниками глобального мира. Представления о красоте, формируемые в соответствии с европейскими канонами и распространяемые в мире с помощью национальных систем образования, рассматриваются автором в качестве глобального знания (в духе глобальной истории Себастьяна Конрада), основные особенности которого становятся заметными только при обращении к локальному контексту (Конрад 2018).

В центре внимания исследования находится процесс адаптации Японии и Египта к новому миру, который проявляется, в частности, в воспитании молодых поколений национальных государств в государственных школах. По утверждению Адала, в достижении этой цели одну из ключевых ролей играло обучение подростков музыке, письму (каллиграфии), живописи и рисованию как практикам, так и целым идеологическим структурам, важным для формирования личности человека.

Вопреки Максиму Веберу, полагавшему, что эпоха модерна являлась «расколдованным временем» контроля и наказания (Вебер 2006), Адал полагает, что уходя от одних убеждений прошлого, навеянных религией, люди создавали другие, основанные на совершенно новых явлениях (с. 3). С конца XIX века людей «околовывали» новые идеи (например, идея национальных государств). При этом описанные Адалом правительственные школы Нового времени представлены не столько в качестве репрессивных институтов, стремящихся превратить крестьян в японцев или египтян, под стать французам из исследований Юджина Ве-

бера (Weber 1976). Скорее напротив: через всю книгу тянутся мотивы легенды о Крысолове, который соблазнил своей музыкой гамельнских детей, уведя их вслед за собой. То есть педагоги Нового времени, по мнению автора, не столько прибегали к насилию, сколько пользовались теми же методами, что и средневековый музыкант, увлекая детей эстетическим образованием.

Один из важных тезисов книги заключается в том, что в конце XIX века эстетическое образование (как европейское, так – позже – и национальное) становится важным во всем мире. Европейский канон красоты был неразрывно связан с идеями мирового прогресса и проявлялся в различных уголках мира вместе с европейским проникновением. Примечательно, например, что пианино как музыкальный инструмент европейской культуры впервые «доплыло» в Египет с Наполеоном в 1798 году, а в Японию – с Филиппом фон Зибольдом в 1823-м. При этом эстетическое образование играло критически важную роль в «незападных» странах: отставая от Европы в экономике, науке, технике, последние могли представлять себя более развитыми в искусстве: «Если западные страны казались могущественными, незападные могли считать себя более красивыми» (с. 4).

Героями книги Адала являются педагоги и воспитатели эпохи Мэйдзи и Тайсе в Японии и периода правления династии Мухаммада Али в Египте. Они оставили после себя указы, доклады, инструкции, учебные планы и программы, учебники, пособия и другие рабочие материалы, которые вместе с периодикой и нормативными актами, а также детскими рисунками, музыкальными произведениями, сборниками нот и фотографиями составили базу источников для исследования Адала.

Одной из особенностей книги является ее необычная структура. Нарратив Адала похож на музыкальную симфонию, соединяющую множество синхронных мелодий-сюжетов, которые то выделяются на общем фоне, то затухают. Первая глава посвящена источникам исследования и стоит особняком. Пять других разделены на две части, которым предшествует вступление – своеобразная увертюра, задающая основу симфоническому действию. Затем каждая из частей описывает развитие того или иного сюжета в культуре и образовании Египта и Японии.

Первая часть книги (главы 2 и 3) посвящена тому, как японские и египетские педагоги музыки и каллиграфии воспитывали «внутреннее я» своих учеников. Использование этих предметов в образовании было беспрецедентным в истории двух стран. Так, музыка стала частью начального образования Японии лишь в 1886-м, а в Египте – в 1913 году; ранее она принадлежала к числу «неуважаемых» в местных культурах занятий. Что же касается каллиграфии, то под влиянием глобальных веяний нового капиталистического мира, опиравшегося на скорость, практичность и рационализацию, Египет к 1930 году исключает из своих учебных программ письмо как отдельный школьный предмет. После этого в учебный план оно так и не вернулось. Япония же была интересным исключением из этого общемирового правила. Как отдельный урок письмо и каллиграфия действительно исчезают из японского образования уже в 1880-е годы, став частью общих занятий по языку. Однако в военный период 1940-х годов каллиграфия и рисование вернулись в учебные программы, став неотъемлемой частью воспитания у детей инту-

иции, сосредоточенности и готовности к безотлагательным действиям во имя защиты интересов сражающейся Японии (с. 87–88).

Вторая часть книги (главы 4, 5 и 6) рассказывает историю трёх периодов развития начального обучения рисованию и повествует о связанном с этим феномене мимесиса, то есть подражания действительности. Адал утверждает, что с 1870-х годов и до начала XX века и японские, и египетские деятели образовательной сферы стремились к адаптации западных образовательных и эстетических практик для своих локальных национальных контекстов. С одной стороны, они копировали основные западные формы и идеи о том, как правильно учить детей рисованию. Использовался прежде всего геометрический способ отображения и структурирования реальности и пространства, распространившийся по миру под влиянием британской Южно-Кенсингтонской школы с 50–60-х годов XIX века. Адал называет этот процесс *глобальным мимесисом* (с. 120). С другой стороны, сами ученики во время занятий учились копировать поначалу репрезентации различных объектов (деревьев или ваз) из учебников, а затем и сами эти объекты. В результате, следуя четко установленным педагогами образам из учебников и книг, ребенок не мог выразить собственное видение мира. Однако начиная с 1880-х годов глобальный миметический период в истории японского и египетского начального образования заканчивается, а в местные школы приходят идеи национализма. Согласно им, образование должно было помочь «незападным» странам отстоять свою независимость от европейских колониальных империй хотя бы в сфере эстетики. С этого времени японские дети начинают рисовать прямые линии кисточкой, а не карандашами, а египетские разучивают не британские геометрические орнаменты, а арабские. Наконец, на третьем этапе развития уроков рисования (с 1918 года в Японии и с 1940-х годов в Египте) в них привносится новая художественная техника – рисование от руки. Важно отметить, что в Японии это происходило под влиянием Парижа и Москвы (с. 161), то есть глобальный мимесис вернулся в облики других художественных доктрин. Однако Адал интерпретирует изменение техники как возвращение традиционных способов рисования и уход от привнесенных европейцами, хотя по сути в этом был явлен не столько отказ от глобального тренда, сколько изменение форм его существования. Так или иначе, отныне школьникам предлагали не просто копировать готовые образцы, но свободно выражать себя и свои эмоции через рисование от руки. Школа представлялась как свободное, творческое и приятное для детей пространство (с. 161), где их нужно было лишь подтолкнуть в выражении эмоций в необходимом педагогам направлении. Интересно, что эти идеи, возникшие в Японии в либеральную эпоху Тайсе (1912–1926), продолжали развиваться и в фашистской Японии эпохи Сева (1930–1940-е годы). Свобода техники рисунка, предоставившая педагогам возможность воспитывать школьников в атмосфере независимости от видимых агентов влияния, в целом не воздействовала на отчасти репрессивный характер школы, которая отвечала на запросы национального государства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в межвоенной Японии дети рисовали в основном животных, деревья и природу, а в предвоенный и военный периоды на рисунках стали появляться танки, кора-

бли и самолеты. Подход в эстетическом образовании не изменился, но общество и государство стали действовать с ориентацией на новые идеалы. В данном случае милитаризм, распространившийся в обществе, был перенесен учениками в рисунки.

Рассказанная Адалом история необычна и увлекательна. Тем не менее, некоторая ограниченность его источников приводит к тому, что авторский нарратив часто приобретает чересчур абстрактный характер. Так, в главе о музыкальном образовании Адал уделяет много внимания попыткам как японских, так и египетских педагогов противостоять популярной и «вульгарной» современной музыке. При этом остается непонятым, что же составляло канон «правильной» музыки в этих странах и от каких именно опасностей «вульгарной» музыки она должна была ограждать японских и египетских школьников? Кроме того, возможно, именно ввиду переизбытка официальных источников и недостатка эго-документов, возникают вопросы о том, какой же была реакция самих учеников на идеи чиновников, а также о том, как реагировали на них педагоги, которые должны были претворять созданные для них инструкции в жизнь. Наконец, в некоторых случаях изложение в книге кажется слишком нелинейным, непоследовательным. Так, вступление ко второй части рассказывает об истории государственных гимнов Японии и Египта, хотя в целом эта часть книги посвящена рисованию. Однако в таком подходе, с другой стороны, можно усмотреть общее стремление автора представить достаточно сложную сферу жизни неевропейских обществ XIX–XX веков в виде асинхронной, немонотонной, разноуровневой структуры, в которой существует множество сюжетов, каждый из которых, являясь уникальным, формирует неповторимую полифонию смыслов.

Несмотря на эти неточности и недосказанности, автор смог серьезно вникнуть в проблемы эстетики и эстетического образования в период зарождения новых национальных государств на мировой арене. Этот глобальный процесс формирования общей современной эстетики, сопряженный с внутреннеполитической повесткой различных государств, представляет собой огромную область для исследований, а Адал предлагает один из способов погружения в нее. Книга будет весьма полезна тем исследователям, которые изучают глобальную историю империализма и антиколониализма Нового и Новейшего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер, Макс. 2006. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. М.: РОССПЭН.
- Конрад, Себастьян. 2018. *Что такое глобальная история?* М.: НЛО.
- Jansen, Marius B. 2000. *The Making of Modern Japan*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Weber, Eugen. 1976. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford, CA: Stanford University Press.